

Если Бога нет, значит, все
разрешено?..

Ф. Достоевский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Что-то оглушительно звенело, тревожно врывается в безопасную гавань сна. Скотившись с дивана, я потряс головой, словно это могло как-то заглушить громкую трель — звонок продолжал долбить своими молоточками, но их противное дребезжание окончательно привело меня в чувство. Я был дома, и звонили в дверь. Обозлившись на собственный испуг, с трудом шевеля разбитыми губами, я раздраженно спросил, обращаясь, черт его знает, к кому именно я обращался:

— У кого там горит?!

Горело у ментов. В смысле, у милиции. То есть полиции. Точнее, у нее-то как раз ничего не горело. Полицейских вызвали соседи по причине смерти другого нашего соседа.

Я открыл дверь, как был, в трусах. Стоявший ближе полицейский хмуро оглядел меня сверху вниз. Потом поднял все тот же нахмуренный взгляд и, уставившись мне прямо в глаза, проговорил:

— Что у вас с лицом? — И не дожидаясь ответа на свой вопрос, тут же спросил: — Ваша фамилия Антипов?

Я не знал, на какой из вопросов отвечать, но согласнo кивнул — никогда не нужно сразу лезть на рожон.

— Валентин Исаакович?

Внезапно захотелось зарядить в эту неподвижную физиономию, но, надеюсь, потомки, если они будут, поймут, что меня остановило. Выждав четверть Станиславского, я ответил вопросом:

— А что случилось-то?

Полицейский, теперь я разглядел его лычки — это был сержант, — слегка придвинулся и чуть изменившимся тоном сказал:

— Вы бы оделись.

Я захлопнул дверь. Ну все, началось! Я знал, что рано или поздно это случится и придется отвечать на всякие вопросы, типа: «Когда вы видели вашего соседа в последний раз? Он что-нибудь говорил вам?», и все в таком духе. А что я скажу? Что в последний раз видел его уже мертвым?! Или что он мертв уже три дня?! А откуда я об этом знаю? Никто, вишь, не знает, а я!.. И все, хана! Я же почти не умею врать! Нет, иногда вру, конечно, но верят мне почему-то не всегда. Скажем, 50 на 50. Или 40 на 60?

Увидев себя в зеркале, я внутренне содрогнулся — сегодня было не лучше вчерашнего. Попрыскав водой в опухшее до безобразия лицо, я отчетливо вспомнил события трех прошедших суток и, наверное, впервые с начала всей этой кошмарной истории вдруг почувствовал... спокойствие. Это было какое-то новое, редко присущее мне чувство покоя и равновесия. Я будто вернулся из мира, где мои действия оценивались совершенно иначе, чем здесь, из мира, где каждый шаг грозил гибелью. Даже если он был единственным...

Все началось три дня назад, точнее, это случилось в среду ночью. Я не спал, просто лежал на своем продавленном диване и думал. О чем? Да ни о чем. Или обо всем, как посмотреть. О том, что с работы уволился — начальница, мымра, привязалась: что, говорит, вы все время на работу опаздываете, Валентин Исаакович? Или Антипов, опять вчера за воротник заливали? Дура! Какой нормальный мужик водку за воротник заливает? Закладывает надо говорить, закладывает! Еще я думал о том, что нет денег, и взять их неоткуда. Строго говоря, был человек, который по идее не отказал бы, но к нему я обращаться не стал бы ни за какие коврижки. Умирать буду с голода или там от цинги, все равно не попрошу, и тому есть веские причины. Думал, что в остатке сплошные минусы: денег нет, с работы уволили, за квартиру заплатить нечем, и вдобавок меня кинула Кэт. Катка меня кинула!

Ну, это как раз не самое страшное. С Катей, или с Кэт, как она любила себя называть при знакомстве, я стал смертельно уставать в последнее время. Ее постоянные капризы по самым невообразимым причинам могли расшевелить даже зверски уставшего верблюда! А разговоры о киноактерах, прическах, одеждах, макияже и прочие издевательства над моими нервами могли продолжаться бесконечно. До тех пор пока она, возбудившись от таких разговоров, не набрасывалась на меня. А дальше все было как обычно — как в первый раз, как в двадцатый. Я подозревал, что она и слушать не захочет о других возможностях заниматься любовью, кроме как страстного целования и быстрого трах-трах, но однажды все же решил-

ся. Она внимательно выслушала меня, потом завела разговор о Мэле Гибсоне и через полчаса вновь, как всегда, скакала на мне, издавая при этом одни и те же звуки. Я запомнил их очередность и как-то шутки ради подыграл ей, издавая те же звуки, но чуть-чуть раньше нее.

И ничего! Она ничего не поняла! Кончив как обычно со свистящим — «Есть!», Кэт упала на бок, а я пошел за водой. Она всегда пила воду после секса. Ее запоздалое: «Воды!» догнало меня уже на кухне. На той самой кухне, где моя девушка бывала лишь когда я звал ее откусывать чем бог послал. Все остальное время эта часть квартиры была в полном моем распоряжении.

Да, мы часто ссорились. Обзывали друг друга разными словами, но вновь начинался безумно интересный разговор о Питте или Брэде, и я ловил себя на мысли, что день сурка когда-нибудь закончится, я смогу жить дальше, совершенно не интересуясь, в который раз женился Брюс Уиллис и кого там родила Мадонна. Наконец этот день настал. Это была среда, четырнадцатое сентября. Она позвонила с моего мобильного и сообщила, что айфон и мотоцикл оставляет себе, поскольку прожила со мной три месяца и считает это минимальным возмещением причиненного ей ущерба. Мне же остается моя собственная, доставшаяся от отца-эмигранта машина, и я еще должен быть ей благодарен за доброту.

Я подумал тогда, что больше брать у меня, в общем-то, и нечего — разбитый «жигуленок» пятый год ржавел во дворе, в котором заезжие бомжи давно

свили любовное гнездышко. Еще я подумал, что она стерва. Без злобы, просто констатировал факт. Попросила утром телефон и мотоцикл, сказала, что ей нужно, а потом позвонила и сообщила, что я лох. Сначала я даже не знал, что ей ответить, но потом в двух-трех словах лаконично высказал все, что думаю. Правда, уже после того как она отключилась. Я долго и обстоятельно перечислял самому себе, какой я идиот и болван, но это занятие быстро надоело, и я лег на диван. Мне хотелось дать ей время одуматься и самой пригнать назад мою спортивную «Хонду» и вернуть смартфон, без которого я был как без рук и даже определил для себя время: до девяти часов вечера.

Девять прошло, потом где-то сказали: «Московское время 22 часа», и я понял, что обманут. В самых лучших своих чувствах обманут и кинут. В одиннадцать я решил действовать.

Есть у меня знакомый в автоинспекции, не друг, но неплохой по-своему парень. Пару раз оштрафовав меня за превышение, он дал мне визитку и странным голосом произнес:

— Это наш клуб. Мотоциклистов. Если хочешь, приходи — там никто не штрафует.

Только потом я догадался, что странность в голосе была вызвана смущением, а смутился он, потому что со второго раза все же узнал меня и, преодолевая внезапную робость, спросил:

— Вы же тот самый... Антипов?

Это сладкое, с едва заметной горчинкой «тот самый» и заставило меня взглянуть на него по-другому. Оказывается, чемпионы 90-х по мотокроссу еще не

забыты, народ помнит и знает своих героев. Не помню, что тогда ответил, но в мотоклуб на Дмитровском шоссе я приезжал пару раз. Все красиво, но мне не понравилось. Что-то очень напоминающее «Дикий Запад», так я охарактеризовал этот клуб маменькиных сыночков, приезжающих на дорогуших «Бентли» и «Астон Мартинах» с джипом сопровождения и установленном на нем таком же безумно дорогом «Кавасаки». На худой конец можно было и на последнем «БМВ» прокатиться, с сумасшедшей подвеской, не боящейся никаких препятствий (кроме московских колодцев, разумеется). На мою «Хонду» юнцы смотрели как на раритет далекого прошлого, а ведь я за нее почти все премиальные истратил еще три года назад! Целых семь тысяч зелененьких!

Короче говоря, в клуб я ходить перестал, но с Мишей, так звали инспектора, который, к слову, тоже оказался не лыком шит и его «Ямаха» выглядела не самым допотопным динозавром, отношения поддерживал. Он и сам участвовал в гонках по улицам Москвы и приглашал меня, когда ставки были от 50 000 долларов и выше. Ему-то я и собирался позвонить и проконсультироваться, что делать в такой ситуации.

Но среда, четырнадцатое сентября, не знаю, есть ли такой фильм, был не мой день. Миши не оказалось ни на работе, ни дома, даже мобильный его отвечал женским голосом, сообщая об отсутствии и недоступности. Я повторил попытки через десять минут, потом через пять, но результат был тот же. Ругнувшись, я в раздражении бросил трубку. Немного постоял над телефоном, вспомнил об одном человеке, который

мог дать дельный совет, но не любил, когда ему звонят по пустякам. Дернулся искать сотовый, но мобильник был у Кэт! С мотоциклом! Который был практически единственным средством для поддержки штанов! Ну, Катя, едрена вошь!

Я чуть не взвыл! Помню, что отшвырнул от себя идиотского плюшевого мишку, которого любила тискать моя подружка, называя его разными именами. Ну, там, я кричу ей с кухни, мол, кушать подано, а она своему волосатому: «Ну что, Жанчик, пойдем кушать?»

Жанчик! Надо думать, что в тот момент она представляла, что несет на руках Жан-Клода Ван Дамма. Хорошо, не Куценко или, не дай боже, Поренченкова, хотя по мне никакой разницы.

Делать было нечего. На домашний телефон мне почти никогда не звонили, телевизор не работал, который уж год исполняя функцию небольшого столика. Магнитолы не было, потому что я не покупал музыкальных центров, считая, что музыки достаточно и в айфоне, а с компьютерами и вовсе был на «вы», хотя не раз пытался освоить этот мудреный продукт современности.

От злости хотелось что-нибудь пожевать, и я прошел к холодильнику, но продуктов там было не больше, чем вчера. То есть во вторник. То есть ничего. На нижней полке морозильника лежало что-то окаменевшее и замотанное в полиэтиленовый пакет, но есть вдруг расхотелось, и я с силой захлопнул дверцу, на что старый холодильник мгновенно отреагировал угрожающим рычанием. Не хватало, чтобы еще и он

сломался, хотя если задуматься, какая разница — все равно морозить нечего.

Такой вот был день, и вечер оказался ничуть не хуже. Я без мотоцикла, телефона, денег, еды и сигарет! Вот что было самым ужасным. Поскреб для верности в прохудившихся еще прошлым летом карманах, но ничего, кроме оборванных бумажек и тканевых катышков, не нашел, а ведь на эту куртку я имел надежды. Может, завалилась какая-нибудь монетка в дырочку и лежит себе там, думает, когда это Валя меня найдет?

Ненавижу свое имя! Валя! Сразу ведь и не поймешь, мужик или баба? Пардон, женщина. Ну, вот что стоило родителям назвать меня как-нибудь по-другому?! Например, Иосиф. Хорошее библейское имя, а при отчестве Исаакович так и вовсе персонаж самой популярной книги. Или на худой конец Иваном. Иван Исаакович! Не звучит — гремит! Такой русский еврей. Хотя, если честно, евреем я себя никогда не чувствовал. Да и какой я еврей, если только по отцу такой? Мама была русской, я носил ее фамилию, и отец мой еще до моего рождения изменил свою «юношью» на мамину. Я подозреваю, что он и имя хотел сменить, но что-то, наверное, помешало.

Потом, когда стало возможным свалить на историческую родину, мои предки все же сменили фамилию на более подходящую в жаркой (во всех смыслах) местности, более известной как Святая земля, ставшей им новой родиной. Я бывал там пару раз, но мне не понравилось. Очень жарко. В смысле погоды, конечно. Ни в каких боевых действиях я не участво-

вал, из взрывающихся кафе также не выбежал, но мое это...

Никакой мелочи в карманах я не нашел, да и откуда ей было взяться? В голове зрела смутная мысль, могущая спасти от голодной смерти, и я вновь подошел к телефону. Но тот зазвонил раньше, чем я успел прикоснуться к нему. Неприятности могли продолжиться, и я, как фаталист, склонен был думать, что черная полоса сегодня еще не закончится. Но это был сосед, Виктор Николаевич Осипов. Было странно, что он звонил мне, да еще в такое время, но мысль о сигаретах подстегнула мою вежливость, и я ответил:

— Слушаю вас, Виктор Николаевич.

— Валька, — он всегда называл меня так, с самого детства, — ты не мог бы зайти ко мне?

Его голос отчего-то дрожал. Или мне так показалось?

— Что-то случилось? — Я спросил не из вежливости — у соседа должны были быть серьезные причины, если он вдруг решился позвонить мне ночью.

— Пока нет, но это важно. Пожалуйста, зайти ко мне, — он замялся на мгновение, — один.

Я понял. Он терпеть не мог Кэт, и, когда мы встречались с ним в лифте и вынуждены были ехать вместе, он всегда отворачивался от нее и молчал. Дело в том, что однажды они крепко поругались. Он сделал ей замечание по поводу мусора, который она оставляла на полу, неаккуратно выбрасывая отходы в мусоропровод. Но она, истинная «арийка», возмутилась, что какой-то старик смеет ей что-то выговаривать, обозвала его старым ослом и почему-то пижоном.

После того Виктор Николаевич перестал со мной здороваться, предпочитая дожидаться другого лифта, нежели ехать с нами. Потому-то я и был удивлен его звонком, хотя ничуть не удивился просьбе прийти одному.

Я подошел к зеркалу, посмотрел на исхудавшее от треволнений лицо и вышел из квартиры. В тапочках. До его двери было несколько метров, которые я одолел за пару секунд, но дверь так резко открылась навстречу, что я чуть не врезался в нее всем телом.

На пороге стоял хозяин квартиры, одетый по всем канонам воинского устава. Я забыл сказать, что Виктор Николаевич был полковником в отставке. Кажется, пограничных или каких-то еще секретных войск, но, даже будучи на пенсии, он всегда одевался очень строго, хотя и в гражданскую, как сам ее называл, одежду. Сейчас же он был при полном параде, даже ордена висели, где им положено. В общем, настоящий полковник.

Он как-то по-детски поманил меня рукой, призывая двигаться чуть быстрее. Я вошел в квартиру, дверь тихо защелкнулась, и он, наклонившись ко мне, громким шепотом произнес:

— У нас мало времени, поэтому ничему не удивляйся, просто выслушай меня.

Увидев мои вскинутые брови и не давая мне вставить ни слова, он продолжил:

— Не перебивай, а выводы сделаешь потом. Если они понадобятся.

Последняя фраза вышла слегка таинственной и немного грустной. Я выдержал половину Станиславско-

го, на большее меня не хватило, и спросил, глядя ему прямо в глаза:

— Что случилось-то?

Он посмотрел на меня странным взглядом, в котором можно было прочесть и сомнение, и сожаление, и, наконец, решимость, после чего порывисто схватил меня за руку и потащил в комнату, другой рукой делая знаки, призывающие к молчанию. Я не сопротивлялся, так на меня подействовала вся необычность ситуации.

Честно говоря, я ожидал увидеть в комнате намыленную веревку или какие-то другие причиндалы для суицида, или, на совсем уж худой конец, чей-то труп, таким взволнованным показался мне сосед, но, к счастью, ничего такого в комнате не было. Обычный или, скажем, не обычный для меня порядок царил во всем. Даже стулья стояли ровной шеренгой, как взвод вымуштрованных солдат. Все вокруг блестело и сияло, словно бляхи у тех же солдат, и ни малейшего милого сердцу моему пятнышка пыли или, упаси бог, соринки. Просто стерильнейшая в мире комната!

Николаевич жестом усадил меня в кресло, на которое я опустился, боясь, что ровно лежащая на нем ткань обязательно сомнется, и Виктор Николаевич разволнуется от этого еще больше. Увидев мою неуверенность, он слегка надавил на мое плечо, и я был вынужден упасть в кресло, отметив, что оказался прав. Покрывало, лежавшее вдоль мягкой части спинки и сиденья, примялось. Не угадал в другом — мой строгий сосед не обратил на это ровно никакого внимания, что уже было необычно. Он схватил ближний